

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ НА ФОНЕ РУССКОГО РОМАНТИЗМА

Гульнара Иззетовна Тангирова

Чирчикский государственный педагогический институт Ташкентской области

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается особое значение развития философской лирики на фоне русского романтизма. Романтики открыли необычайную сложность, глубину и антиномичность духовного мира человека, внутреннюю бесконечность человеческой индивидуальности.

Ключевые слова: лирика, романтизм, микрокосмос, образ, персонаж, личность, сентиментализм, поэзия, поэт, философская лирика.

ВВЕДЕНИЕ

В первой трети XIX века лирическая поэзия стала высоким искусством. Это было началом новой эры, по сравнению с XVIII веком, когда «внутренний мир» понимался лишь как мир «частных» человеческих переживаний. Лирика получила недоступные прежде возможности выражения, считавшиеся в XVIII веке принадлежностью эпоса и драмы. Отказ от оды – одна из важных вех на этом пути. В начале XIX века ода уступает место элегии. В связи с новым пониманием поэтами душевной жизни характерно, что ода вызывала нападки не только за отсутствие в ней психологических переживаний личности, но и за чрезмерную высоту ее эмоционального тона, тяжелую напыщенность чувств «восторга», «ликования», какими наделял себя одический автор. Элегия, как жанр предромантический, открыла путь для выражения самых разнообразных чувств и мыслей в лирике, позволила по-новому выразить богатство общественного и философского содержания.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНАЛИЗ И МЕТОДОЛОГИЯ

С особым течением в русском романтизме – психологическим или мистическим – связано творчество В.А. Жуковского (1783-1852). Вышедший из карамзинского сентиментализма, поэт в раннем периоде творчества создает лирику элегического плана с чувственным восприятием природы, поэтизацией нежной дружбы и любви, меланхолией и грустью. В более позднем периоде

творчества элегия сменилась жанром песни-романса, в котором эмоциональная составляющая слов стала основой. Богатство и глубина переживаний не связана у Жуковского с романтическим индивидуализмом, потому что индивидуализм не согласуется с его религиозным мироощущением. У поэта в лирике всегда идет речь о некой вечной, таинственной сущности мира, в которой резко противопоставлены добро и зло. Двоемирие выступает у него как религиозное противопоставление «неба» и «земли», часто в очень сложных идейно-художественных противопоставлениях. Не будучи сторонником «исповеди», Жуковский тем не менее разработал совершенный метод передачи в поэзии человеческого переживания. «Человеческое сознание, в понимании Жуковского, - тончайший инструмент для контакта с внешним миром в разнообразных его проявлениях, будь то скрытая обычно от человека «тайная» жизнь или любые исходящие от него сигналы – звуки, запахи, краски; особенно же – «вечные» ценности добра и красоты»[1]. Если поэты-сентименталисты видели свою задачу в передаче настроения, то Жуковскому всегда важно было выразить душевное состояние. Это требует наблюдательности и точной передачи деталей. «Жуковский сосредоточен на том, что может быть замечено лишь в состоянии сдержанной экзальтированности, когда поэт слышит, как сотрясается тишина от падения листка». Услышанный поэтом *шум от падения листка* – начало нового пути в лирике. Общая жизнь природы, в которую органически включена жизнь человека, - такова романтическая концепция Жуковского, очень плодотворная для поэзии.

Творческой устремленностью к новым литературным поискам, к выработке новых форм и новых художественных идей отличается творчество К.Н. Батюшкова (1787-1855). Он закрепил в русской литературе своеобразную форму лирического стиха – «легкую поэзию», заимствованную у французов. Это послужило основанием называть Батюшкова «Парни Российским», имея в виду эротическую, гедонистическую стихию лирики французского поэта Э. Парни. Упоение жизнью и молодостью соединяется у Батюшкова с предчувствием кризиса, отражающего сложности человеческой психологии вообще. Так, например, за видимой душевной гармонией («Тих, покоен сверху вид») появляется и глубинная трагедия сердца («Но спустись ко дну... ужасно!/ Крокодил на нем лежит!»).

Говоря о значении творчества Батюшкова в развитии русской лирики, необходимо отметить его особое влияние на формирование личности А.С. Пушкина, о чем говорил В. Белинский в одной из статей, посвященных

русскому классику: «До Пушкина, ни один поэт, кроме Батюшкова, не в состоянии был показать возможности такого русского стиха»[2, с.228]. Пушкин по существу продолжал ту же линию психологической убедительности и пластической осязаемости художественного изображения, по которой шел Батюшков в своих литературных поисках.

Своеобразие философской лирики А.С. Пушкина заключается в том, что она носила личностный, глубоко интимный характер. Поэт все пропускал через себя, это была философия, опробованная собственной жизнью, появившаяся в результате собственных мыслей и переживаний, что отличает философскую лирику Пушкина от лирики Ф. Тютчева. В. Белинский писал: «Пушкин не знал мук и блаженства, какие бывают следствием страстно-деятельного (а не только созерцательного) увлечения живою, могучею мыслию, в жертву которой приносится жизнь и талант. Он не принадлежал исключительно ни к какому учению, ни к какой доктрине... он ничего не отрицает, ничего не проклинает, на все смотрит с любовью и благоговением. Самая грусть его, несмотря на ее глубину, как-то необыкновенно светла и прозрачна; она умиряет муки души и целит раны сердца». Все критики дальнейшего времени признают, что «ум Пушкина был уравновешенный, чуждый всяких болезненных уклонений»[3, с.15]. Удивительны гармония и совершенство пушкинского духа, его «безукоризненная сдержанность и точность выражений»[4, с. 92]. Тот катарсис, та гармоническая красота, в которую разрешается у Пушкина все несчастное и трагическое в жизни человека, осмысливается русскими философами в качестве работы не только поэтического дара, но и человеческого «самообуздания», «самопреодоления», «самообладания»[5, с. 380]. Пушкин утешает нас такой благорасположенностью мудреца ко всей вселенной, через которую нам открывается убеждение в ее смысле.

В обзоре развития русской философской лирики XIX века сложно говорить кратко о таких ее величинах, как А.С. Пушкин и Ф.И. Тютчев, поэтому мы ограничимся лишь наиболее важными составляющими их поэтического мироощущения.

Возникновение философского направления в русской поэзии второй трети XIX века является историческим фактом, значение которого выходит за рамки одной только поэзии. Русская интеллектуальная творческая элита в условиях постдекабристской России напряженно и мучительно искала новые формы взаимоотношений между поэзией и философской мыслью, между поэтической мыслью и действительностью. Поэты-мыслители, размышляя об

автономности, исключительной ценности конкретной человеческой личности, идея которой так вдохновенно и последовательно утверждалась в философских системах Шеллинга, Ф. и А. Шлегелей, Канта, Фихте, обратились прежде всего к методу самонаблюдения, самовыражения души, утонченной фиксации саморефлексии, обобщениям онтологического масштаба. Именно здесь, в сфере самовыражения своего внутреннего «я», в сложном диалоге с философской мыслью предшествующих эпох и современности специфика национального поэтического сознания проявилась с наибольшей очевидностью.

Философская мысль Ф. Тютчева, находясь в состоянии постоянного поиска своего пути к Истине, осуществляя себя в полемическом диалоге с философско-онтологическими, эстетическими и социально-политическими системами предшествующих эпох и своего века, обнаруживала их относительность и в конечном итоге всегда сверяла себя с христианским вероучением. Ф. Тютчев придал невиданную ранее масштабность проблематике русской романтической философской лирики, обогатив ее наследием XVIII века и проложив путь поэтам XIX – XX столетий. В философской лирике Тютчева значимыми становятся следующие особенности: системность, диалогизм, полифонизм, конфликтность, драматизм, онтологизация, интонационная организация текста, столь характерные для поэзии его времени. Опережая современное ему философское самосознание, Ф. Тютчев увидел основную причину всеобщего цивилизационного кризиса в кризисе самого человека, в его «безверии», в его неспособности и нежелании искать Истину и следовать ей. Указав на основную болезнь эпохи – «растление духа» («Наш век»), поэт сосредоточился на исследовании причин духовного и нравственного кризиса современного человека («Памяти М.К. Политковской»). При этом Ф. Тютчев, в отличие от своих мыслящих современников (Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова), неустанно искал пути преодоления «болезни века», пути исцеления искаженной, безверной души в спасительном общении-беседе широчайшего интонационного диапазона от сокровенной личностной исповеди («Всесилен я и вместе слаб...») до апостольских пророчеств («Теперь тебе не до стихов...»).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ АНАЛИЗ

Для философской лирики Тютчева очень характерна тема космоса, сопричастность которому, его ощущение входят в сердцевину поэтического

мировосприятия. Совершается глубочайшее органическое взаимопроникновение человеческой личности, ее сознания, и космоса. В результате мировоззрение приобретает «космический» характер, а космос становится как бы воплощенным вовне мировоззрением.

Творчески синтезируя поэтический опыт предшествующих веков, Ф. Тютчев строил свою универсальную и уникальную поэтическую картину мироздания, где человеку отводилась роль как трагической жертвы своих эгоистических страстей и заблуждений («Как птичка раннюю зарей...», «Есть и в моем страдальческом застое...»), так и созидателя, творца («Сон на море», «С поляны коршун поднялся...», «Неман»), способного в своей опоре на незыблемые христианские ценности «обуздать» в себе стихию «хаоса», гордыню эгоцентризма, вседозволенности, личного произвола, и возвыситься до состояния «гармонии духа». В результате космологическая, возвышенно-философская лирика Ф. Тютчева обретала эту истину не в теории, не в философии, а в самой жизни, в ее живом и мучительном опыте, в сфере нравственного самовоспитания, в любви.

Среди поэтов XIX века, имеющих особую систему взглядов по вопросам о человеческом существовании, можно выделить А.А. Фета. Современники, продолжатели и исследователи фетовского творчества подчеркивают мысль о жизнеутверждающей основе его поэзии. Ближайший друг поэта Н.Н. Страхов отмечает характерные особенности его лирики: «...мы не найдём у Фета ни тени болезненности, никакого извращения души, никаких язв, постоянно ноющих на сердце. Всякая современная разорванность, неудовлетворённость, неисцелимый разлад с собой и с миром, – всё это чуждо нашему поэту. ... он сам отличается совершенно античной здравностью и ясностью душевных движений, он нигде не переходит черты, отделяющей светлую жизнь человека от всяких демонических областей. Самые горькие и тяжёлые чувства имеют у него бесподобную меру трезвости и самообладания. Поэтому чтение Фета укрепляет и освежает душу»[6, с. 426]. Хотя при этом большинство исследователей отмечают противоречивость фетовской натуры, подчеркивая, что поэзия помогала ему в преодолении жизненного трагизма. Для угрюмого, озлобленного человека, не верящего в людей и жизнь, акт поэтического творчества преодоления трагизма жизни, воспринимался как выход из мира скорбей и страданий в мир светлой радости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лучшее в лирике Фета критики относят к величайшим образцам философской лирики. Воссоздавая отдельные состояния души, поэт стремится установить связь данного момента с жизнью в её космическом значении. Фетовское творчество являет собой могучую жизненную силу, бросающую вызов смерти. В жизни Фета нет такого периода, о котором он вспоминает с восторгом или упоением, зато его духовная жизнь интенсивна и богата, но не пламенными страстями, не демоническими взлетами и падениями, а несметной множественностью оттенков восприятия мира. Где обычно слышится один единственный тон, там Фет улавливает бесчисленное количество переходящих друг в друга полутонов. Нескончаема цепь его переживаний, чувствований, ощущений, воплощенных в слове. Антитезы художественного мира А. Фета (речевые, понятийные) способствуют внутреннему динамическому развёртыванию содержания, увеличивая пластичность и объёмность поэтического текста. Противопоставления ночь – день, молодость – старость, город – деревня, звук – тишина, земля – небо север – юг, родина – чужбина, внешняя скука и глубокие внутренние переживания являются достаточно традиционными в литературе. Однако, прибегая к их толкованию в фетовском творчестве, можно обнаружить ряд дополнительных символических значений, повышающих образный потенциал русской поэзии в целом. К. Бальмонт в курсе публичных лекций 1897 г. «О русской поэзии» противопоставил творчество Фета и Тютчева Пушкину и Лермонтову: «Пушкин живет во временном, Фет и Тютчев – в вечности»[7, с. 134]. При личностном взгляде на творчество всех этих поэтов, можно сделать лишь один вывод – философская лирика XIX века нашла свое продолжение в творчестве поэтов следующих поколений.

REFERENCES

1. Семенко И. Поэты пушкинской поры [Электронный ресурс]. URL: <http://baratynskiy.lit-info.ru/semenko-3.htm>
2. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья третья.//Полн. собр. соч. – М.: 1955. – Т. УП. – С. 228.
3. Соловьев В. Судьба Пушкина. См. кн.: Пушкин в русской философской критике. – М.: 1990. – С.15.
4. Мережковский Д. Пушкин. См. кн.: Пушкин в русской философской критике. – М.: 1990. – С. 92.

5. Франк С. Религиозность Пушкина. См. кн.: Пушкин в русской философской критике. – М.: 1990. – С.380.
6. Страхов Н. Н. А.А. Фет // Литературная критика: Сборник статей. – СПб.:2000. - С. 426.
7. Бальмонт К. Д. Горные вершины. Цитируется по кн.: Бухштаб Б.Я. А.А. Фет. – Л.: 1990. – С.134.
8. Movlonova, M. (2021). ADABIYOT DARSLARIDA ZAMONAVIY PEDOGOGIK USLUBLARDAN FOYDALANISH (“UFQ” TRILOGIYASI MISOLIDA). *Scientific progress*, 2(5), 113-119.
9. Temirovna, K. G. (2021). TIL VA LINGVOKULTUROLOGIYA. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 1(4), 527-535.
10. Шайхисламов, Н. (2021). ДУНЁ ТИЛЛАРИНИНГ МОРФОЛОГИК (ТИПОЛОГИК) ТАЩИФИ. *Scientific progress*, 2(4), 961-965.
11. Shayxislamov, N. (2021). ONA TILI FANINI O‘QITISHDA INTERFAOL USULLARDAN FOYDALANISHNING SAMARASI. *The 21st Century Skills for Professional Activity*, (9), 23-25.
12. Shayxislamov, N. (2021). ONA TILI FANINI O ‘QITISHDA INNOVATSION VA PEDAGOGIK TEXNOLOGIYALARNING O ‘RNI VA VAZIFALARI. *Scientific progress*, 2(3), 933-937.